

Энхорт, экзекутор-фециал Легио Темпестус, вступил в приглушенный синий полумрак жилища. Адепт сеньорус Соломан Имануал обитал в самом сердце Кузницы — в спокойных, хотя и стесненных условиях. Помещение освещалось словно звездным светом в сумерках, и воздух был прохладен.

Ноосфера автоматически доложила о прибытии Энхорта, едва он вошел. Это был импозантный мужчина задумчивого вида, облаченный в красное с черной каймой одеяние; его глаза были сильно модифицированы для приема данных.

Адепты, прислуживавшие Имануалу, быстро и плавно покинули помещение при его приближении, тихо жужжа, словно механические привидения.

Адепт сеньорус сидел за проволочной кафедрой и читал с большого, обернутого в кожу предмета, полного бумажных листов.

<Энхорт!> — адепт сеньорус поприветствовал гостя, не глядя на него.

— Достопочтенный владыка Кузницы, я... — Энхорт осекся. — Это что, книга?

Соломан Имануал вздохнул и повернулся к экзекутору. Он использовал мягкое манипуляционное поле своих свернутых кольцами механодендритов, чтобы переворачивать хрупкие листы, не дотрагиваясь до них.

— Да, это книга, — ответил Имануал.

— Я полагал, что все наши данные хранятся в цифровом виде. Книги — это же такой анахронизм.

Имануал закрыл при помощи поля древний том и похлопал по обложке рукой.

— Мы перестали вспоминать, — сказал он.

— Милорд?

Адепт сеньорус кивнул морщинистой головой на книгу, лежащую на кафедре:

— Она была в архивах. Один из множества артефактов, которые хранятся в секвестрационных хранилищах. Мне ее принес Иган. Многое из данных в старых книгохранилищах содержится в старинных формах, как, к своему разочарованию, узнала Аналитика. Книги, распечатки, рукописи...

— Рукописи?

— Рукописные документы. Они из другой эпохи, Энхорт. Механикус когда-то больше заботились о знании, чем о способах его передачи. Когда мы пришли на Орест, то принесли с собой сокровища: палимпсесты, древние списки, манускрипты, голосовые записи — предметы, которые, как считали наши предки, могли оказаться полезными. Мы убрали их под замок в стерильные хранилища. Когда эта война закончится, экзекутор, я прослежу, чтобы все неоцифрованные архивы были снабжены комментариями и переведены в современный формат для открытого пользования. Знание — сила, Энхорт. Как часто мы это повторяем? Как часто мы также забываем, что мы уже знали?

— Милорд, могу я спросить, что вы узнали из этой старой... книги?

Адепт сеньорус вздохнул.

— То, что за десять тысяч лет мы забыли больше, чем можем вспомнить. Что знание может быть силой, но догматичная вера в общепринятые данные есть форма невежества. Всегда есть что-то новое, что можно узнать. Невежество не знает пределов, память просеивается через фильтры времени, забывание — грех. Знание — единственное, что всегда имеет определимые границы. Я тебя шокировал?

Энхорт пожал плечами.

— Если и да, то я не заметил, — ответил он улыбаясь.

— Ты ловко парировал мой вопрос, Энхорт, и не теряешь легкости бытия. Это мне нравится. Посиди я над этой книгой подольше, стал бы совсем мрачным. Мы столь уверены в себе, так ведь? Знания Механикус стоят выше знаний всех остальных рас и вероисповеданий. Даже, наверное, выше непостижимых эльдар. Мы можем проникать в самые крошечные частицы космоса: атомы и клетки, электроны и молекулы — и манипулировать ими. Деус Механикус даровал нам власть понимать эти механизмы жизни. Гордые своим искусством, мы стали самодовольными. Мы перестали вспоминать. Я считаю, что всегда можно узнать больше, чем уже узнано.

Он поднялся, и Энхорт шагнул ближе, чтобы принять его руку и помочь встать.

— К дивану, пожалуйста, — попросил Имануал.

Экзекутор-фециал Темпестуса отвел старика к ближайшей кушетке. Механодендриты Имануала устало колыхались в полумраке в такт шагам. Полостные камеры его пластекового сердца бились медленно, дыхание было поверхностным.

— Полагаю, ты пришел поведать мне о войне? — заметил адепт сеньорус, опускаясь на кушетку

и устраиваясь поудобнее. — Снова дурные вести?

Отношения между Имануалом и Энхортом были давними и теплыми. Несколько десятилетий назад Энхорт был фамулюсом Имануала. Ему было уготовано высокое место в Кузнице, но Имануал разглядел таланты Энхорта и рекомендовал его на службу в легионе махин. Как и Крузий, Энхорт подвергся скрытой модификации, а также был одним из немногих магосов, которых Имануал удостоивал чести слышать свой плотский голос.

— Нет, на этот раз вести не дурные, Имануал, — мягко ответил Энхорт, вынимая инфопланшет. Открыл его, и адепт сеньорус загрузил содержимое, выплеснувшееся в воздух гололитическими фантомами.

— Это произошло в Подгоксовом Крае?

— Сегодня днем. Сжатие данных неважного качества, но они ведут передачу из полосы военных действий, кишасей случайным мусорным кодом.

— Но его источник надежен?

— Я говорил с лордом Геархартом. Более четырех тысяч единиц вражеской пехоты уничтожено, плюс махина, и «Никомех Игникс» едва успели спасти от разрушения.

— Бедный «Игникс». Один из моих любимцев. Вопрос: Лустиг?

— Нет информации, владыка.

Имануал кивнул.

— Это вдохновляющие вести и своевременные. Улей должен знать.

— Я уже подумал об этом, милорд, и приготовил информационное сообщение.

— Погоди, погоди, — произнес адепт сеньорус, делая останавливающий жест манипулятором. Он открыл ноосферный канал связи и дождался соединения.

Среди зеленого полога ноосферы материализовалось лицо лорда-губернатора Алеутона. Изображение передавало пикт-устройство со стола в его кабинете.

— Милорд адепт?

— Милорд губернатор. Я принес радостные известия. Данные сейчас передаются вам по

шифрованному каналу.

— Вижу, — подтвердил Алеутон.

— Я подумал, что вы должны узнать об этом первым, — продолжил адепт сеньорус. — Сегодня днем Легио Инвикта одержал сокрушительную победу над агрессорами в Подгоксовом Крае. Четыре тысячи убитых. Мы сделали большой шаг к общепланетной победе.

— Это и правда достойные вести, мой дорогой друг, — ответил Алеутон. — Хвала Омниссии.

— И свят будь Бог-Император. Я считаю, что ради подъема морального духа свидетельства победы должны быть немедленно распространены по всему улью. Сообщения у меня приготовлены.

— Публикуйте их, адепт. Я подкреплю сообщения своими комментариями. Считаю, что это перелом в войне.

Адепт сеньорус улыбнулся.

— Согласен, лорд-губернатор. Обязательно упомяните, что уцелел «Никомах Игникс». Он в одиночку держал оборону, пока Инвикта не пришла на помощь. «Игникс» — очень популярная в народе машина. Новости о его героизме и выживании поднимут настроение.

— Обязательно упомяну, — ответил Алеутон. Его изображение на зеленом пологие поля подергивалось квадратиками. — Спасибо, что лично донесли до меня эти новости.

Имануал кивнул, изображение свернулось и пропало.

— Какая щедрость, — произнес Энхорт.

— Делаю, что могу. Мы живем в равновесии с внебрачными отпрысками Императора здесь, на Оресте. Они увязли в этой войне так же, как и мы, и полагаются на нас. Отправляйся и выпускай свои сообщения, Энхорт.

Экзекутор поднялся и поклонился. Едва он повернулся, чтобы уйти, манипулятор Имануала тронул его за плечо. Энхорт обернулся.

— Сегодня хороший день, ведь так, Энхорт? — спросил Имануал.

— Радостный день, владыка, весьма радостный. Победа за нами.

Адепт сеньорус кивнул и убрал манипулятор.

— Тогда действуй. Марш отсюда!

Как только Энхорт покинул помещение, адепт сеньорус вызвал сервитора.

<Вон та книга на подставке>.

<Да, милорд>.

<Унеси>.

<Что я должен с ней сделать, милорд?>

<Сожги>.

Сервитор поспешил к проволочной кафедре и подобрал том.

«Молю всех цифровых богов, чтобы у нее не было оцифрованной копии», — думал адепт сеньорус, пока сервитор уносил древнюю книгу.

В своей резиденции на вершине Ореста Принципал Поул Элик Алеутон закрыл канал связи с адептом сеньорус и откинулся на спинку кресла. Затем перевел взгляд на другой пикт-монитор, стоявший на столе.

— Прости, Этта. Я не мог не ответить. Так что ты говорила?

Экран с лицом Этты Северин покрывали пятна из-за ухудшения передачи.

— Адепт сеньорус подтвердил то, что я сообщила, сэр: сокрушительная победа в Подгоксовом Крае. Крузий говорит о почти пяти тысячах убитых вражеских воинов.

— И экзекутор Крузий?

— Скупая скотина, когда речь идет о фактах, — ответила Этта. Ее голос срезался плохим сигналом. — Он преувеличивает для большего эффекта, но все равно следует опубликовать эти данные.

— Договорились, Этта, — сказал Алеутон. — Что там с этой отважной машиной — «Игниксом»?

— С «Никомах Игникс»? Осталась развалина, когда мы добрались до нее. Спекся, и весь экипаж до единого мертв. Имануал тоже преувеличивает для большего эффекта, сэр.

— Адепт сеньорус Имануал льет воду на мельницу пропаганды, моя дорогая. И кто я такой, чтобы спорить с ним?

— Я понимаю, сэр, но вы тоже должны понять, что эта война не закончена еще даже наполовину. Уничтожение врага — это хорошо, но победа в Подгоксовом Крае — лишь один шаг на долгом пути. Врагов тут еще полно. Последнее, что нам нужно, — это самоуверенность.

— Это мнение Крузия?

— Это мое пояснение для вас, сэр. Экзекутор, скорее, больше обеспокоен репутацией своего легио.

— Я понимаю, Этта. Держи меня в курсе.

Пикт-поток мигнул и погас. Алеутон поднял взгляд на ждущего помощника:

— Подготовьте генераторы улья для включения оборонительных щитов.

>

С приходом ночи Орест Принципал охватило маниакальное ликование, граничащее с беспорядками. Публичные экраны по всему улью показывали сообщения, чтобы все видели. Грандиозная победа в Подгоксовом Крае. Тысячи невежественных врагов повержены. Инвикта вступила в бой. Надежды на будущее крепнут. «Никомах Игникс» спасен в последний момент. Непреклонное мужество «Никомах Игникс».

Необъятные толпы собрались на площади Киодра и Марсовом поле, на Перпендикуляре и Конгрессе, на площади Франца Хомулка и на Тропе Титанов. Сменившиеся рабочие собирались в огромные, шумные массы вокруг публичных экранов Свинцового рынка и Распорки, заполняли таверны и столовые в Бастионах и Молотилке. Под светом нафтовых уличных ламп благочестивые смешались с благодарными и образовали длинные процессии, змеящиеся по нижним улицам Контрапункта и Тангенса к величественным храмам улья, чтобы отслужить благодарственные молебны. Одни несли эмблемы и votivные иконы Бога-Императора Неумирающего, другие — символические изображения Омниссии. Били барабаны, и гудели горны. Над Марсовым полем взлетали салюты. Население Ореста Принципал не выходило на подобные публичные демонстрации с той самой ночи, как прибыла Инвикта.

В нескольких кварталах — в дешевых жилых глубинах Мирянского Угла в основном — публичные сборища превратились в торжество беспорядков и беззакония. Магистратум отправил патрули для восстановления порядка и подавления уличного пьянства, драк и

грабежей. Вообще, в эту ночь Магистратуму пришлось поднапрячь силы, чтобы обеспечить контроль над толпой практически на каждом уровне улья.

Алеутон держал руку на пульсе анализа движущей силы людских масс. Это было облегчение, понял он, выражение облегчения после многих недель напряжения и страха. Гражданам Ореста Принципал нужна была отдушина, ради которой он и разрешил опубликовать новости из Подгоковского Края. Ему нужен был довольный город, верящий, что все изменится к лучшему. Хотя мнения всех его стратегических аналитиков, офицеров СПО и Орестских полков сошлись с оценкой Этты Северин.

Война была еще далека от победы. Она еще даже не пришла к равновесию. Оресту предстояла долгая и темная ночь, перед тем как наступит рассвет и избавление. Хотя и отброшенные в этот раз, силы врага уже подошли к Гоксу. Теперь их отделяло от Великих Южных ворот менее десяти часов.

Версия событий в Подгоковом Крае, подготовленная для широких масс, была дополнена архивными съемками «Никомах Игникс» на обычных маневрах в Восточных провинциях вместе с часто повторяющимися изображениями махин Инвикты в разгрузочных лесах. Каждый раз, как проигрывались моменты с «Игниксом», над переполненными общественными центрами улья взлетал эпический гул одобрительных возгласов.

Версия событий в Подгоковом Крае, подготовленная для широких масс, была дополнена архивными съемками «Никомах Игникс» на обычных маневрах в Восточных провинциях вместе с часто повторяющимися изображениями махин Инвикты в разгрузочных лесах. Каждый раз, как проигрывались моменты с «Игниксом», над переполненными общественными центрами улья взлетал эпический гул одобрительных возгласов.

В пыльной задней комнате «Анатометы» на восемьдесят восьмом уровне коммерции Манфред Цембер тихо посмеивался, откупоривая отверткой крышку новой банки геральдической охры. На небольшом очаге в задней комнате начал посвистывать чайник. Цембер отнес банку на верстак, потом подошел и снял чайник с огня сложенной тряпкой. Дорогой импортный листовой чай «Хулан». Цембер не мог себе позволить подобной роскоши уже много лет.

На рабочем верстаке стоял небольшой пикт-проигрыватель. Проекция была выставлена на паузу. Цембер записал эпизоды из публичных передач и теперь останавливал разные кадры, копируя расцветку и детали знаменитых махин. Он глотнул чаю, поставил чашку, взял тонкую кисточку и осторожно и старательно принялся наносить индивидуальные знаки отличия на последнюю партию заводных игрушек.

Они стояли перед ним на верстаке. Когда этим утром игрушки прибыли от механика в переложенных соломой ящиках, они были лишь голым железом. Он потратил целый день между визитами клиентов, напыляя на них слои лака и грунтовки, а затем нанося основные цвета: темно-красный и латунный — для отважной Инвикты, синий и серебряный — для доблестного Темпестуса.

Сейчас он готовил десять копий «Дивинитус Монструм» — машины Бормана, десять «Разбойников», которые все станут «Филопос Маникс» — принцептурой лихого красавца Стента Расина, дюжину копий «Инвиктус Антагонистес» — печально известной машины Красной Фурии и двадцать гордых миниатюр «Никомах Игникс» — героя Подгоковского Края. Цембер вполне резонно предполагал, что последние будут продаваться лучше всего.

Он нанес кисточкой дорогое сусальное золото на покрашенные когти «Никомах Игникс», просто чтобы сделать их безупречными. Тут важны детали.

Когда он откроет утром лавку, явятся толпы клиентов. А пока весь вечер раздавался стук в дверь. Он брал ключ и открывал магазин: «Только для вас, вы же понимаете, в порядке исключения».

— Гигант! Гигант! — хихикал Цембер, заведя недокрашенный «Никомах Игникс» и пустив его по верстаку.

Поблекшие куклы глазели на него с полок, забытые, пустоглазые и безразличные.

>

В Саду Достойных под Канцелярией бывший модерати Цинк поглядел на бледно-серое небо. Стаи щебечущих зефирид исчезли в сумерках. Где-то глубоко внутри иссохшего тела Цинк ощущал тревогу. Еще одна ночь шума в огромном улье? Опять Сретение? Сколько раз Сретение наступало в этом году? Он не мог вспомнить. Может, это был День Кузницы или Фестиваль сбора минералов. Независимо от причины, улицы района внизу были полны блеющих дураков. Музыка, ликование и фейерверки. Цинк морщился каждый раз, как взлетал фейерверк и взрывался громким хлопком, распускаясь, словно разноцветный цветок. Они напоминали ему... они напоминали ему о... Чем-то, что ранило его, очень давно.

Он не мог вспомнить — что.

Прямо над краем западной стены сада Цинку была видна верхняя часть светящегося публичного экрана на Постном Ряду. Экран вспыхивал и светился, прокручивая строчки текста. Цинк вытер губы. Он принял решение.

Калека добрался до будки самым полным ходом, на ка кой были способны его старые ноги. Вытащил потрепанную лестницу, которой пользовался, когда подрезал сучья на плойновых деревьях, и вернулся с ней к западной стене. Исполнение заняло больше получаса, и Цинку приходилось останавливаться и переводить дух дважды. Больше чем единожды он забывал, что собирался сделать, и порывался нести лестницу обратно к будке. Добравшись до стены, он переложил курс — два румба, малый ход, поворот на запад — и втащил лестницу на влажную клумбу. Приставил лестницу к стене и отклонился назад, воззрившись на нее.

Лестница: у нее должна быть цель. Он посмотрел вокруг на пустой сад, на длинные тени,

смешивающиеся с темнотой. Вокруг никого, кто мог бы сказать ему, что делать, — ни раки, ни принцепса, ни гудящего манифольда.

Цинк вспомнил свою цель. Ухватился за стойки лестницы дрожащими руками, вдавливая ее в мягкую землю, и начал взбираться наверх.

«Вперед, модерати! Самый полный шаг!»

Команда озадачила его. Цинк помедлил, остановившись на второй ступеньке. Кто такой «модерати»? Что такое «самый полный шаг»?

Он лез наверх, пока не выглянул за край старой стены. Моргнул. Теперь он видел публичный экран полностью. Яркие колонки слов скользили по нему, янтарные и светящиеся. Цинк не мог их прочесть. Восемьдесят лет назад он потерял способность что-либо читать, каптировать или загружать.

Но был еще и голос — грохочущий голос диктора. И картинки. Картинки...

Цинк вгляделся. Тонкие губы безмолвно шевельнулись.

«Никомах Игникс» шагает на войну! Не бойся, народ Принципала: машины, такие как «Игникс», помогут нам! Полный ход, вот так! С такой броней, что ведет нас к славе, пожалеет несчастных, что восстали против нас! Покорение Архиврага — это обыденная работа для таких, как «Никомах Игникс»!

— Цинк? Служитель Цинк?

Цинк глянул вниз. Надзиратель Племиль с Канцелярского Уступа спешил к нему по садовой дорожке. Племиль кутался в свои красные одежды, ограждая себя от вечерней прохлады.

— Я принес тебе ужин, Цинк. Там, в будке. Становится холодно. Суп, Цинк. Суп. Ты помнишь суп?

Цинк на мгновение глянул на него сверху, затем повернулся обратно к экрану.

— Ради Деуса, Цинк, слезай оттуда! — позвал Племиль. — Ты упадешь и поранишься! А там суп. Ммм, теплый суп.

Он изобразил потягивание из ложки и погладил ладонью живот.

Цинк, не обращая на него никакого внимания, произнес одно слово. Три слога.

— Что? Цинк? Что ты сказал?

Цинк пристально вглядывался в картинки на публичном экране. Медленно и очень тщательно он повторил то, что сказал.

Три слога.

— Ма-хи-на.

>

Стефан Замстак прикончил то, что оставалось в стакане, и припечатал его к барной стойке.

— Хорош. Спокойной ночи, парни.

— Стой! — раздался товарищеский хор.

Стефан помотал головой:

— Я всё.

Он выпил первый амасек, потому что его угостил Райнхарт, и Райнхарт был единственной причиной, почему Стеф вообще сюда пришел. «Помоги себе отвлечься, Стеф, — сказал Райнхарт. — Пойдем, забудешь про свои проблемы».

Второй и третий амасек пошел легче. После этого он сбился со счета.

— Увидимся на работе, — произнес Стефан и слез с барного табурета. Райнхарт поднялся и подошел к нему.

— Оставайся с нами, — сказал он, положив руку на плечо Стефу. — Мне сказали, что флот Инвикты завтра отправляет вниз следующую партию снаряжения. Пополняют запасы. Будем таскать грузы много часов. Я рассчитываю на доплату за переработку и опасность.

— Значит, надо поспать.

— Стеф, сегодня особенный день. Мы раздавили их в Подгоксовом Крае. Все празднуют.

— Я особого праздника не чувствую. Но чувствую, что напился, — возразил Стеф Замстак.

Райнхарт вытер губы тыльной стороной ладони и прикурил лхо-сигарету.

— Как друг другу: есть что-нибудь от нее?

— Нет.

— Бедная девочка. Плохо дело. Но с ней все будет в порядке. Третья очередь — им всегда достается всякая хренотень, если позволишь так выразиться. У меня кузен служил в третьем резерве девятнадцать лет, с молодых ногтей. Они занимались погрузкой-разгрузкой, клеили квитанции на посылки, сортировали снаряжение, если повезет, — всякое такое. Поверь мне, ее даже близко нет от передовой.

— Наверное.

— Именно так. Еще амасек сюда для моего друга!

Стефан рассеянно улыбнулся:

— Ладно, еще одну на посошок.

— Вот это молодец! Парни все за тебя, ты знаешь? У Липла племянник в третьем.

— Правда?

— СПО, все дела, — осклабился Райнхарт, зажав лхо-сигарету в зубах и расплачиваясь за выпивку.

— СПО — фесовые дилетанты, — раздался голос от барной стойки за спиной у Стефа.

Стеф обернулся.

— Брось, Стеф, — буркнул Райнхарт, забирая сдачу.

Человек был эмигрантом с Танит — звероподобный здоровяк, покрытый фиолетовыми татуировками. Тяжелые руки бугрились мышцами. Он носил кольцо лицензированного грузчика. Танит сгорела дотла много лет назад, и это был один из последних представителей мертвого мира. Он потягивал выпивку.

— Что ты сказал? — спросил Стефан.

— Стеф, брось, — вмешался Райнхарт.

— Я сказал, — невнятно произнес танитец, глядя в дно стакана, — что СПО на Оресте были фесовым посмешищем. Если бы они сделали свое дело как следует, мы бы не сидели тут по уши в дерьме. Силы планетарной обороны — вот что значит СПО. Оборонили они нас? Нет, фес возьми, не оборонили. Из-за них мы в дерьме? Да, фес возьми, из-за них. Волнует меня — живы они или нет? Нет, фес возьми, не волнует.

— Моя жена в СПО, — сказал Стефан.

— Стеф, успокойся, — встрял Райнхарт.

— Значит, в этом есть и ее вина, так? — выдвинул мысль танитский грузчик, поднимая глаза на Стефа. — Фесовые неумехи.

Парни из дока вытащили его на улицу. Его руки были скользкими от крови. Стеф зло потребовал, чтобы его отпустили.

— Ты убил его. По-моему, ты его убил! — вопил Бенкис.

— Ты тупой ублюдок, Стеф, — бормотал Райнхарт, пока они тащили его до канавы.

— Стаканом. Прямо в рожу! — восклицал Бенкис.

— Кто-нибудь, заткните Бенкиса, — произнес Райнхарт. — Стеф? Стеф?

Он ударил Стефана Замстака по щеке.

— Что?

— Стеф, ты поступил плохо. Думаю, я смогу тебя прикрыть, но магистраты все равно явятся. Не ходи завтра на работу.

— Ладно. Ммф... Почему?

— Иди домой. До дома добраться сумеешь?

— Угу.

— Иди домой, Стеф, вымойся. Мы с парнями тебя не видели. Это был какой-то левый ублюдок.

Они взгромоздили Стефа на ноги. Он хмуро оглядел их:

— Я его убил?

Райнхарт кивнул:

— В общем, да. Иди домой.

— Ладно. Спасибо.

Стефан развернулся и с трудом потащился к ближайшей станции маглева — «Случайному Холму»: вторая остановка по кольцу от Перпендикуляра. Рубашка и штаны спереди коробились от крови.

— Калли, — бормотал он, хромя по дороге и ощущая тяжесть жетона на маглев, который вручил ему Райнхарт.

Калли...

>

Рассвет над Антиумом. Тарсес перепоясался ремнем, накинул кожаный плащ и застегнулся. Осмотрел себя в грязном зеркале.

Модерати. Все еще похож. Он поправил значок Инвикты на лацкане. Сможет ли он справляться с работой по-прежнему? В этом-то и вопрос.

Раздался двойной стук в дверь.

Он открыл. За дверью стояла Фейрика по стойке смирно, одетая в тугий комплект обмундирования из черной кожи.

— Готов? — спросила она.

— Ты идешь с нами? — поинтересовался Тарсес.

— Конечно. Я его фамулюс.

— Я обсужу это с Принцхорном.

— Нечего тут обсуждать с принцепсом Принцхорном или кем-то еще, — заявила она.

— Ой, заткнись, — бросил Тарсес.

Он прошел по мостику, соединяющему башню с восстановленной «Доминатус Виктрикс», пожимая руки и перекидываясь приветствиями с новым экипажем: Анилом — рулевым и Кальдером — сенсори. Оба были из флотского резерва Инвикты. Нарлера, несмотря на аугментический трансплантат вместо недостающей руки, признали негодным для данного исполнения. Тарсесу будет его не хватать, хотя Кальдер выглядел подающим надежды и прибыл с высокими рекомендациями. Он был из резервного списка для махины Бормана.

— Мы готовы пойти, модерати, — сказал Кальдер.

— Хорошо, хорошо. Благодарю вас. Принцепс на месте?

— Его рака была установлена час назад, сэр, — ответил Анил. — Все соединения и вспомогательные каналы подогнаны и подключены.

Тарсес кивнул.

— Идите, занимайте свои места.

Оба сложили руки в знамении шестерни и развернулись.

— Еще одно, — добавил Тарсес.

— Да, модерати? — хором ответили оба.

— Вы оба знаете, что я сделал? О том случае?

Кальдер и Анил неловко переглянулись.

— Мы знаем, модерати, — ответил Анил.

— Это был ужасный поступок. Не могу выразить, как я о нем жалею. Мне нужно только знать, что он не повлияет на нашу совместную работу. Если есть хоть какая-то вероятность, что повлияет, скажите сейчас, и я запрошу самоотвод.

Горячий ветер, дующий снизу из внутренностей башни, трепал длинные полы их плащей.

— Для меня это не проблема, модерати, — сказал Анил.

— Разрешите говорить начистоту? — спросил Кальдер.

Тарсес кивнул.

— Это было простительное преступление, — произнес Кальдер. — Поступок, спровоцированный вспышкой гнева, который показал бесконечную преданность принцепсу Скаугену, и я принимаю это как знак честного и верного штекерника. Для меня это также не проблема.

— Вы нужны «Виктрикс», модерати, — сказал Анил. — Вы знаете ее лучше, чем любой из нас.

— Спасибо вам обоим за прямоту и поддержку. Занимайте свои места. Я вскоре присоединюсь к вам.

Рулевой и сенсоры отошли и забрались на борт. Стоя в одиночестве на высоком мосту, Тарсес пристально осматривал могучую громаду «Доминатус Виктрикс», отремонтированную и переделанную, с корпусом, заново окрашенным в красный и золото. Он наслаждался внушительной толщей фронтальной брони, угрожающей тяжестью панциря и встроенных орудий, обтекаемыми линиями невообразимо огромного деструктора. Далеко внизу, у основания башни, сервиторы отсоединяли якорные тросы и захваты, отключали подачу смазки и кабели телеметрии. Небольшие группы деловито отцепляли и сворачивали шнуры, которые удерживали огромные триумфальные знамена и вымпелы с числом побед, свисающие с конечностей «Виктрикс». Древние пестрые полотнища раздулись и заколыхались на ветру.

Огромные ворота башни стояли открытыми, и выход на обширный подсвеченный пандус был свободен. За пандусом, в сумерках рассвета, лежал длинный путь мимо доводочных башен к вратам Антиума, а за ними — в царство войны.

Массивная сине-серебряная фигура «Тантамаунт Страйдекс» стояла в соседней башне. «Владыка войны» Темпестуса, который пойдет с ними этим утром. Автоматические леса и опорные фермы убирались от верхней части его корпуса. «Тантамаунт» пришел живым из рабочих поселений три дня назад — одна из немногих махин Темпестуса, сумевших вернуться на перезаправку и перезарядку после первой фазы войны.

Позади него, в другой гигантской роккритовой яме, воздух сверкал и трещал от сварочных лучей и резаков. Бригады Кузницы приступили к ремонту «Никомах Игникс», чей разбитый труп принесли прошлой ночью тяжелые лифтеры.

— Немало времени пройдет, прежде чем «Игникс» пойдет снова, — раздался голос у него за спиной.

Тарсес обернулся и оказался лицом к лицу с высоким мужчиной в кожаной форме модерати Темпестуса.

— Брейдел, модерати, «Тантамаунт Страйдекс», — представился мужчина, протягивая руку. — Я подумал, что нам стоит познакомиться.

Тарсес пожал его ладонь.

— Зейн Тарсес. Я жду не дождусь выхода, Брейдел. Надеюсь, мы сможем причинить немного добра.

— Два «Владыки войны»? Мы потрясем до основания самый ад, дай нам полшанса. Я только надеюсь, что вы за нами поспеете.

Тарсес улыбнулся:

— Мы справимся. У Инвикты есть некоторый опыт.

Брейдел улыбнулся в ответ:

— У Инвикты? С Принцхорном в гнезде раки вы теперь, в общем-то, почетный Темпестус.

Тарсес дернул плечами:

— Возможно. Так вы вернулись целыми? Весь экипаж?

— Мой принцепс Терон привел нас домой невредимыми. Нам повезло. Мы одержали несколько достойных побед, а потом вернулись на перезарядку.

— Как там снаружи?

Брейдел пожал плечами:

— Печально, а сейчас еще хуже, могу себе представить. Я загружал боевые съемки. Дорога из огня на всем пути от Гинекса до Старой Башни.

— Заваруха, согласен, но мне не терпится выбраться туда. Мы должны покончить с этим и сделать Орест безопасным местом.

— Согласен, без вопросов, — ответил Брейдел. — Омниссия будет приглядывать за нами.

— Император защитит, — машинально откликнулся Тарсес.

Брейдел снова пожал плечами:

— Ну да, и он тоже.

Предрассветный ветер трепал одежду. Они смотрели на «Никомах Игникс», закрепленный в стапелях башни; белое сияние сварки пульсировало огромными тенями на влажной стене.

— Все были мертвы, знаешь? — сказал Брейдел. — Все были мертвы, когда они добрались до него. Все, кроме модерати. Он сейчас в критическом состоянии в медике-один. Говорят, что рассудок к нему не вернется никогда.

— Поврежден мозг?

— Ублюдки отстрелили ему штекеры с головы.

Тарсес невольно ощутил болезненность вокруг новых разъемов на затылке. Они еще не зажили, несмотря на трансплантацию быстроприживающихся тканей и синтетические покровные трубки.

Он повернулся к Брейделу:

— Полагаю, пора начинать, как ты считаешь? И спасибо за приложенные усилия для знакомства. Я оценил жест.

Брейдел кивнул:

— Полагаю, пора начинать, как ты считаешь? И спасибо за приложенные усилия для знакомства. Я оценил жест.

Брейдел кивнул:

— Модерати — это человеческое связующее звено. Если мы не будем прилагать усилия, тогда кто?

Они еще раз пожали руки и сотворили знамение символа Механикус.

— Доброй охоты, модерати, — пожелал Брейдел.

— И тебе, модерати, — откликнулся Тарсес.

Брейдел ушел по мосту, а Тарсес повернулся к «Доминатус Виктрикс». Он вдохнул напоследок

полную грудь свежего воздуха и отправился к люку.

— Закручивайте болты и убирайте мост, — приказал он ожидающим бригадам сервиторов.

— Сию же секунду. Доброго пути, модерати, — ответил бригадир.

Пригнув голову, Тарсес взобрался в кокпит. Помещение очистили и отремонтировали. Пульты и настенные панели сияли активностью систем — ярко и живо. Анил и Кальдер сидели пристегнутыми в своих креслах, занимаясь предвыходными проверками по списку. В похожем на камеру кормовом отсеке, прилегающем к кокпиту, Тимон, их новый техножрец, проводил последние ритуалы умиротворения и принуждения. В воздухе пахло святым елеем и ладаном. Тарсес отметил свежезамененную систему ауспика, блестящую и чистую по сравнению с потертыми деталями инструментария мостика.

Амниотическая рака Принцхорна была установлена в центре кокпита, и молодой принцепс пересматривал и перепроверял загрузки данных, плавая в своем крошечном океане питательной жидкости. Фейрика, мрачная и торжественная, стояла рядом с ракой, сцепив руки за спиной.

<Вы наконец-то удостоили нас своим присутствием, Тарсес>, — протранслировал Принцхорн через аугмиттеры раки.

— Модерати всегда последним занимает свое место, принцепс, — ответил Тарсес, не клюнув на приманку. — Модерати производит последние проверки, последний осмотр собственными глазами.

<Вы удовлетворены?>

— Целиком и полностью, сэр.

<Тогда займите свое место>.

Тарсес забрался в кресло в подбородке титана. И обнаружил, что нет нужды подгонять его под себя. Настройки были сохранены такими, какими он их оставил. Он сдвинул кресло вперед до щелчка и пристегнул ремни. Слышно было, как вокруг заднего люка закручивают последние болты. Работы закончились, и кокпит вздрогнул, когда отошел мост.

Тарсес взял шлейф штекеров и вставил на место.

Сияние и данные захлестнули разум. Он почувствовал себя снова цельным. Он даже не осознавал, каким неполным был без подключения. БМУ зашептал где-то на задворках разума, казалось приветствуя его.

— Я установлен и подключен, — проинформировал Тарсес. Перед ним вспыхнул манифольд, лениво оценивая и проводя тестовое прицеливание на устье и стены башни. — Связь с манифольдом установлена. Рулевой со мной?

— На месте, модерати, — откликнулся Анил.

— Сенсори?

— На месте, модерати, — отозвался Кальдер.

— Реактор и системы?

<На месте!> — одновременно прокантировали техножрец позади него и технопровидец из чрева махины.

— Орудийные сервиторы?

Сервиторы прострекотали бинарный отклик.

— Принцепс, «Доминатус Виктрикс» готова и рвется в бой. Ваше слово.

<Начать журнал исполнениям>.

<Активизировано...>

<Гвидо Пернал Яксиул Принцхорн, принцепс, Легио Темпестус>.

— Инвикта, — поправил Тарсес.

<Виноват. Инвикта, конечно. Я подключен к блоку мыслеуправления «Владыки войны» «Доминатус Виктрикс». Мои полномочия признаны?>

<Признаны...>

Тарсес вручную вбил дату, время и место, нажимая клавиши вместо принцепса:

— Мы приступаем к исполнению K494103. Начать запись бортжурнала.

<Запись...>

Тарсес ждал. Через штекеры он чувствовал разум Принцхорна, приравливающийся к току данных, к внезапной и невероятной тяжести бытия титаном «Владыка войны». Тарсес ощущал его страх и удивление, смешанные в равных пропорциях. Он чувствовал тревогу и беспокойство Принцхорна за порученное бремя.

<Модерати?>

— Принцепс?

<Манифольд у меня?>

— Манифольд ваш, принцепс, — подтвердил Тарсес.

<Благодарю. Раскрыть и убрать по порядку упряжь и стыковочные силовые кабели с конечностей. Включить моторные передачи. Есть «зеленый»?>

— Вижу «зеленый», принцепс, — ответил Тарсес. Его руки летали над ручками настроек пульта. Он по-прежнему не мог заставить себя обращаться к Принцхорну «мой принцепс».

<Инициировать пусковую последовательность главного реактора. Запустить двигатель>.

— Есть запустить двигатель. Через три, два, один...

Раздался оглушительный вулканический рокот высвобожденной мощи. Корпус завибрировал.

— Запуск двигателя, запуск двигателя, — объявил Тарсес.

— Мощность на всех ходовых системах, — доложил Анил.

— Полное усиление на всех элементах обнаружения, — отметил Кальдер.

— Главная тяга достигнута на текущий момент, — произнес Тарсес, щелкая переключателями.

— Принцепс, ваше слово.

В раке позади него Принцхорн уперся ладонями в стекло и устремил взгляд вперед.

<Пошел!>